

© 1994 г. З.Я. ТУРАЕВА

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ

Общей тенденцией, характеризующей сегодня стиль научного познания, является движение из сферы систем к центру всех этих систем – к человеку. Отсюда интерес к социальному, психологическому, коммуникативному аспектам языка. Этим объясняется "смена вех", смена ценностных ориентаций в науке – гуманизация лингвистики, выдвижение на первый план изучения языковой личности как Ego, определяющего семантическое пространство языка, как медиума для проникновения во внутренний мир персонажей художественных произведений. Для лингвистики текста, для лингвистической поэтики период ледостава сменился периодом ледохода. Сегодня чрезвычайно актуально изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей. Последние в значительной мере осуществляются через порождаемые и воспринимаемые личностью тексты. Лингвистика текста, таким образом, приобретает статус науки, связывающей исследование языка с анализом социального взаимодействия, с психологией личности. Личность и языковая личность – не тождественные, не изометричные понятия, но одна познается через другую.

Анализ социального взаимодействия, в свою очередь, связывается с изучением структуры знаний. Структура знаний – предмет когнитологии, науки, парадигма которой складывается в настоящее время [1 – 3]. Она включает формирование знаний, их материализацию, передачу от человека к человеку, от поколения к поколению. Формирование знаний – двунаправленный процесс – от мира к слову и от слова к миру. Знания передаются через ритуалы, традиции. Большую роль играет знаковый способ передачи знаний – их материализация с помощью артефактов – текстов. Итак, с одной стороны, текст есть средство материализации знаний, с другой – любые тексты (публицистические, газетные, художественные) могут передавать не только фактическую, но и контрфактическую картину мира, при этом она может оказаться весьма действенной. Вспомним известные антиутопии: "Мы" Замятина, "1984" Оруэлла, "Brave New World" Хаксли, произведения Кафки, романы черного юмора американских неоавангардистов шестидесятых годов нашего столетия, наследие Платонова – "Котлован" и "Чевенгур" и мн. др. Лингвистика текста изучает, как трансформируется онтология мира в сознании людей с помощью текстов. С этим направлением смыкается изучение лингвистической демагогии и лингвистики лжи. Текст способен изменить модель мира в сознании получателя. Язык – это поверхностная структура, в которой с помощью текстов фиксируется модель мира, которую мы несем в своем сознании. Коммуникация – это вторжение в систему сознания реципиента, построение в его когнитивной системе определенной модели мира, не обязательно совпадающей с моделью мира говорящего и с онтологически существующей картиной мира. Таким образом, текст может обрести социальную силу. Это блестяще иллюстрирует современная российская проза, эссеистика, публицистика. Вспомним также социальную силу мифов, религиозных сочинений, морализующий роман дороги эпохи Просвещения и др.

Анализ текста, смысловой, семантической, синтаксической структур, его составляющих, изучение того, как протекают процессы понимания и порождения текста, есть изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей.

Далее, лингвистику текста интересует механизм того процесса, в результате которого, сознавая, что перед нами артефакт, мы способны переживать его как факт. Другими словами, в результате этого процесса сбываются слова поэта: "Над вымыслом слезами обольюсь". Это подводит нас к еще одному важному положению — лингвистика текста связана с изучением морфологии словесного искусства. Здесь более чем в других сферах лингвистика текста смыкается со стилистикой, психологией творчества, психологией восприятия, прагматикой, с изучением специфических языковых средств, которые оформляют текст как единицу эстетической коммуникации. При этом особый интерес представляет не каноническая атрибутика художественного текста, а принципы эстетики языка, механизмы текстообразования, оказывающие эстетическое воздействие на реципиента.

Интерпретация текстов открывает путь к сознанию участников коммуникации и может воссоздать языковую личность — не только ее языковые способности, но и идеи, идеалы, ее тезаурус — по ассоциативным рядам, в которые сам автор вписывает свое произведение, по игре синонимическими и антонимическими рядами.

В связи с изучением морфологии словесного искусства в рамках лингвистики текста можно назвать несколько магистральных линий исследования:

- 1) изучение парадигматики художественного текста, поэтики ассоциаций. Парадигматика художественного текста устанавливает интрасемiotические соответствия между текстами, включает текст в континуум мировой культуры. Поэтика ассоциаций служит медумом для проникновения во внутренний мир языковой личности, отражает ее вхождение в историко-культурный контекст или отторжение от него;

- 2) исследование антропоцентризма и антропометризма художественного текста;

- 3) изучение точки зрения и полипозиционности повествования; полипозиционности повествования и модальности художественного текста;

- 4) интерпретация семантики художественного текста, наблюдения над взаимодействием экстенциональной и интенциональной семантики;

- 5) изучение художественного текста в связи с теорией значения в ее двух основных блоках (речь идет о теории референции и теории употребления);

- 6) исследование языка не только как функциональной системы, осуществляющей общение, но и как системы, воплощающей культуру народа. Это общеэстетическая проблема отношения языка, действительности, искусства, проблема воссоздающего и преобразующего начала (мимикрия и трансформация), "отражение миров иных";

- 7) исследование приращений смысла, которые обнаруживают единицы всех уровней при включении в текст;

- 8) и, наконец, наблюдения над воздействием текста на всеобщие связи чувств, над тем, как осуществляется живопись словом и действует синестезия, как создаются живописно пластические образы в таких, скажем, строчках, как "повиснул дождь как легкий дым" (Фет) или в стихах М. Цветаевой: "Как живется вам с другою/Проще ведь? Удар весла! Линией береговой/Скоро ль память отошла / Обо мне, плывущем острове / По небу, не по водам! / Души, души! быть вам сестрами, / Не любовницами — вам!" (Попытка ревности).

Сказанное выше объясняет не только интерес к эстетической функции языка, но и к психологии владения языком, которую можно постигнуть, только обратившись к его носителю — человеку, языковой личности.

Текст есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности. В тексте реализуется антиномия: системность / индивидуальность. В нем совмещаются типолого-генетические и индивидуальные черты. Системность есть результат давления системы, жанра, литературного направления, всего историко-культурного контекста. Индивидуальность текста есть проявление языковой личности художника. Однако художник свободен и одновременно не свободен. Он не столько demiurge своего замысла, сколько его исполнитель, его действующее лицо. Он выбирает только в пределах того спектра возможностей, которыми располагает его эпоха. Он создает собственный идиолект, но этот идиолект определяется системой

национального языка. Таким образом, можно сделать еще один вывод: лингвистика текста связана с прагматикой, с философскими традициями, которые подчеркивают важность языка не только как умственной способности, но и как системы, воплощающей культуру народа. Вместе с тем в тексте предстает рефлектирующий ум его творца, высвечивается тот факт, что система всегда опосредована человеком.

Описание языковой личности через текст предполагает а) знание системно-структурного уровня организации языка, б) реконструкцию модели мира и тезауруса языковой личности, в) выявление ценностных координат личности, ее установок, мотивов [4, с. 38, 48–58]. В этой связи особое значение приобретает национальный и культурный компоненты. Они обнаруживают себя в ассоциативных моделях, где акцент делается на открытости текста, на внетекстовых структурах, на центробежных силах, действующих в тексте. Перестройке картины мира в сознании реципиента способствуют тропические средства. Они связаны с нарушением прагматических максим, действующих в данном этносе, с "концептуальным скачком". Так, метафора вступает в систему ценностей, которую несет текст, как его органический компонент. Вне этой системы она начинает отличаться от самой себя. На первичную анизотропию, являющуюся онтологическим признаком метафоры, накладывается вторичная анизотропия, порождаемая текстом.

Вместе с тем метафора является показателем принадлежности к определенной культуре или отторженности от нее. В качестве примера можно привести символику раннего Блока и символику Ейтса. В основе символики раннего Блока лежит путь от конкретного к абстрактному, основная тема – тема обманутой надежды, которая связывается с темой кораблей, ушедших за горизонт и не вернувшихся назад ("Девушка пела в церковном хоре", "Ночная фиалка"). В основе символики Ейтса лежит другая универсальная категория – антропоморфизм и также движение от конкретного к абстрактному. Основная тема – ранняя Византия как царство гармонии, основной образ – птица Феникс, восстающая из пепла.

Текст мертв без акта познания. Без гносеологии нельзя восстановить текст, а без учета тезаурусного уровня нельзя описать языковую семантику, так как в слове совмещаются сфера языковой семантики и сфера знаний о мире, внеязыкового опыта. Под влиянием второй силы происходит постоянная деформация языкового значения слова. В слове сталкиваются две тенденции – одна к статичности и изотропии, другая к динамичности и анизотропии. Первая есть отражение стабильности языкового кода, вторая обнаруживает стремление к его постоянному обновлению в результате расширения познания как движущей силы прогресса.

В центре внимания лингвистики текста находится поведенческий характер значения, его связь с контекстуальными условиями употребления. Лингвистика текста концентрирует свое внимание не столько на стабильном значении, сколько на изменчивом содержании высказывания. В этом заключается подлинная связь лингвистики текста с традициями отечественной филологии (Ларин, Тынянов, Виноградов, Жирмунский), чешской школы (Долежел, Гаузенблас, Данеш), лондонской школы (Остин, Стросон, Сёрл).

Лингвистика текста изучает генезис литературного творчества. В тексте можно проследить дух эпохи, эманацию личности автора. Лингвистика текста совмещает два широко известных подхода к постижению произведения искусства: первый исходит из того, что сущность художественного текста заложена в его внутренней организации (ср. имманентность текстовой структуры, постулируемую описательной стилистикой и ее родоначальником Ш. Балли, и "автономный вербальный мир" П. Гиро), второй рассматривает текст как выражение личности художника, эпохи, истории народа (генетическая стилистика и "духовный этимон" Л. Шпитцера).

Совмещение двух подходов наблюдается во многих исследовательских моделях отечественной лингвистики. Это имманентный и проекционный методы В.В. Виноградова, внутритекстовые и внетекстовые структуры Ю.М. Лотмана, замкнутый

и открытый анализ К.Ф. Тарановского, "петербургский текст", открытый В.Н. Топоровым у Ф. Достоевского, А. Белого, А. Блока и др.

Эти модели связаны с изучением поэтики ассоциаций, парадигматики художественного текста, в терминологии Ю.Н. Караулова, со способами существования прецедентных текстов [4, с. 215, 237]. Для поэтики ассоциаций релевантен семиотический способ существования прецедентных текстов. В этом случае в качестве знака текста выступает цитата, аллюзия, заголовок, метафора. Как упоминалось выше, по своей природе метафора анизотропна, так как в ней совмещаются разные сущности, создаваемые на основе ассоциативных связей человеческого опыта. В результате возникает новый гносеологический образ, новый "гештальт" [5]. Метафора, а вслед за ней и использующий ее текст, соединяет гетерогенные сущности и порождает новые образы, новый возможный мир. Прецедентные тексты, которые могут представлять в форме метафор, цитат, аллюзий, дают импульс к работе ассоциативной памяти. В этом случае прецедентный текст выступает как семиотическая система.

В качестве примера приведем повторяющуюся в разных знаковых системах метафору, образ которой представляют мчащиеся без всадников кони, мчащиеся "и в никуда, и в никогда". Метафора превращается в символ, в эстетический знак разоренной, опустошенной земли, в символ трагедии, постигшей отдельную личность, народ, человечество.

Сквозь белый фундамент трава прорастет,
И мрак, словно мамонт, на землю сойдет.
И женщины будут в оврагах рожать,
И кони без всадников – мчаться и ржать.

(А. Вознесенский)

Та же метафора повторяется в фильме Калатозова "Летят журавли", в фильме Аскольдова "Комиссар", в фильмах Бергмана.

Всякий словесный образ рождается на пересечении трех уровней – вербально-ассоциативного (системно-структурного), тезаурусного (образ мира, система знаний о мире) и мотивационного (деятельностно-коммуникативного). Именно поэтому для характеристики языковой личности такую большую роль играет поэтика ассоциаций, тот парадигматический ряд, в который личность вписывает художественный или публицистический текст. Прецедентные тексты, значимые для той или иной личности в эмоциональном и познавательном планах, могут иметь как личностный, так и сверхличностный (социальный) характер. Например, пророчества Екклесиаста входят в творчество Э.Во. в виде аллюзивной цитаты в названии его романа "A Handful of dust", в творчество Т.С. Элиота в поэме "Бесплодная земля": "I will show you fear in a handful of dust and eternity in a grain of sand".

Лингвистика текста опирается на комплексное изучение творчества, на наблюдения над эволюцией художественного мышления, воплощающейся в различных сторонах текста. Их следует рассматривать в широком контексте исторической поэтики, изучающей формы и способы художественного осмысления бытия. В сложной опосредованной форме художественное творчество отражает становление национальной культуры, вечно меняющуюся картину реального мира. Ограничимся одним примером – портретной характеристикой. Ее следует рассматривать как порождение определенных литературных стереотипов, сменяющих друг друга. В английской литературе Х–XX вв. портретная характеристика приближает нас к исследованию человека, принадлежащего определенной эпохе [6]. Со страниц древнего эпоса, средневекового рыцарского романа встает "корпоративный" человек, который представляет собой некий символ своего времени. Лишь постепенно он вытесняется индивидуальным человеком, который при этом остается человеком той или иной эпохи, но литература и объект лингвистики текста – текст – отражают не только

общие черты, но и "лица необщее выражение", психологию личности. Изменяется и характер использования лексических единиц. Значительно интенсивнее проступает и асимметричный дуализм языкового знака – именно в сфере эстетических знаков суггестивность поэтического слова, амбивалентность семантики особенно очевидны.

История лингвистической науки есть смена различных парадигм; в терминологии Ю.С. Степанова, семантическая парадигма, или философия имени, сменилась синтаксической парадигмой, или философией предиката, и, наконец, на смену им пришел иной подход – прагматическая парадигма (философия эгоцентрических слов) [7]. В модели Ю.Н. Караулова выделяются четыре парадигмы в истории языкознания: историческая, психологическая, системно-структурная и социальная [4]. Исторический путь, который прошла наша наука, показал неизбежность выдвижения (гипостазирования) одной из парадигм с целью более глубокого постижения объекта, что, однако, неизбежно приводило к одностороннему его рассмотрению. Вместе с тем стилистика и лингвистика текста, может быть, платят меньшую контрибуцию в силу онтологических и гносеологических свойств изучаемого объекта – текста, в котором совмещаются структурность, социальность и психологичность. Текст обладает интегрирующими свойствами, и прежде всего в нем через творящее его Его (языковую личность) воплощаются как разные стороны языка, так и изучающие их разные парадигмальные составляющие лингвистической науки.

Именно текст есть отражение обращения современной науки к языковой личности. Структура языковой личности и ее манифестация определяют классическую проблематику соотношения языка и мышления, языка и действительности, искусства и действительности, языка и социального взаимодействия. Таким образом, текст как воплощение языковой личности есть интегрирующий феномен лингвистической парадигмы. За текстом стоит система языка и языковая личность и многофакторный процесс номинации, суггестивность слова вообще и поэтического слова в первую очередь.

В связи со сказанным выше о сближении лингвистики текста с когнитологией растет значимость категории модальности как понятийной категории, связанной с важными аспектами бытия и его преломлением в сознании и языке. В основе этой категории лежат универсальные категории логики, организующие рациональное сознание. На них наслаиваются оценочные и эмоционально-экспрессивные оттенки смысла. Категория модальности рассматривается нами как всеобъемлющая категория, поглощающая целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки. Изучение структур, передающих разные типы модальности, приобретает новую окраску и новую значимость.

Оценка действительного или возможного мира, принятие решений связаны с наличием альтернатив, с онтологизацией значений. Одна из важнейших оценок, входящих в структуру категории модальности, есть оценка истинности. Изучение средств управления истиной приобретает первостепенное значение. Мощным средством управления истиной является язык, как естественный, так и художественный. Модели мира, создаваемые в текстах, могут осуществлять своеобразную "трансформацию онтологии мира". Отсюда важность интерпретации текста, новых исследовательских стратегий восприятия текста, включающихся в когнитологию.

Механизмы восприятия речи/текста представляют определенную антиномию: они подчиняются социокультурным нормам, но в то же время строго индивидуальны. Поэтика ассоциаций, парадигматика художественного текста, социальный и историко-культурный контекст руководят стратегией восприятия (ср. проекционный метод, открытый анализ, внетекстовые структуры). Однако в сознании реципиента не все нормы функционируют. Оно контролируется языковой личностью реципиента, его тезаурусом, ценностно-ориентационной шкалой.

Между модальностью высказывания и модальностью текста нет полного изоморфизма. В основе и той, и другой лежат понятия действительного, возможного, необходимого и их оценка говорящим. В рамках модальности высказывания

действуют такие представления об истинном/ложном, реальном/ирреальном, когда интенциональная и экстенциональная семантика не противопоставлены, а симметричны. В отличие от этого художественный текст представляет собой конструкт, где ничто не имеет однозначного соотношения с реальностью.

Референциальная соотнесенность художественного текста обусловлена взаимодействием различных установок в процессе художественного моделирования – отражательной и креативной, а также рядом сущностных характеристик художественного текста – амбивалентностью семантики, множеством интерпретаций. Для понимания особенностей отнесенности художественного текста к действительности релевантны понятия "имитированной референции" (Дж. Сёрл) и "референциальной аллюзии" (Р. Барт). Реальная референция имеет место преимущественно в исторических произведениях и в мемуарной литературе и не характерна для других жанров. Возможна референциальная соотнесенность художественного события с реальным, с внутренним референтом и с аналогичным художественным событием в другом тексте (инtratекстуальные связи).

Представляется целесообразным рассмотреть структуру модального значения в терминах экстенционала/интенционала (Р. Карнап, Ю.С. Степанов). Экстенциональная сфера семантики предполагает предметную, денотативную соотнесенность, интенциональная – понятийную, сигнификативную. В художественном тексте отсутствует симметрия экстенциональной и интенциональной семантики. Экстенсионалом является не конкретное событие, а фрагмент универсума или весь универсум. Литературный текст – это произведение, где высказывание может быть интенционально истинным, а экстенционально ложным [сказки, научная фантастика, триллеры, произведения смешанных жанров (Ч. Айтматов "И дольше века длится день", М. Булгаков "Собачье сердце" и др.)] или неопределенным (основной массив литературы романтизма, реализма и др.). Переакцентуация значений реального/ирреального, истинного/ложного в художественном тексте определяется: 1) жанровыми особенностями произведения; 2) индивидуально-стилевым своеобразием произведения.

Учитывая сложную семантику художественного текста (сочетание представления о действительности и вымысла), следует говорить не о жестком противопоставлении истинного/ложному, а о приоритете одного значения перед другим. В зависимости от категории модальности – приоритета реального или ирреального – можно предложить определенную типологию текстов. Для просветительского романа и для реалистического романа, для психологической и философской прозы, для викторианского романа нравов, для "рабочего" романа 60-х годов, для социального романа 30-х годов нашего столетия характерен приоритет реального перед ирреальным. Для жанров, в которых отклонение от жизненного стандарта – норма, характерен приоритет ирреального перед реальным. Это – героические поэмы, готический роман, рыцарский роман, приключенческая литература, фантастика, мифы. То же характерно для художественного метода гротеска, гиперболы, сатиры, бурлеска, фарса. Задачность жанра и метода обуславливает соотношение основных компонентов значения модальности.

Приведенная выше типология жанров в связи с реализацией основных значений категории модальности может быть соотнесена с типологией модусов вымысла, разработанной Н. Фраем [8]. Он предлагает пять уровней различий в зависимости от того, как способность героя к действию соотносится с нашей собственной. Если способности героя к действию превышают способности среднего человека, литературное произведение характеризуется высоким миметическим модусом. Н. Фрай разграничивает количественно и качественно более высокий уровень способностей. Качественно более высокий модус иллюстрируют мифы, легенды, количественно – рыцарские романы, высокие классические трагедии, эпические поэмы. Литературное произведение может характеризоваться низким миметическим уровнем, когда способности героев ниже способностей среднего человека. К числу таких произведений относятся низкая комедия нашего времени, абсурдистские произведения. Низкий миметический уровень иллюстрируют герои Ч. Чаплина. По мнению Фрая, герой

Чаплина – маленький человек как жертва иронии или злосчастья – вновь приближается к мифу. Возможности героев близки к нашим в социально-бытовом романе, в романе о среднем человеке. Произведения, где возможности героев значительно отличаются от способностей среднего человека, меняют характер модальности. Текст начинает постулировать другой, альтернативный смысл, отрицает обычную систему ценностей (ср. трактовку смысла текста у деконструктивистов [9,10]). В таких случаях действие находится вне нашей понятийной системы, как это имеет место, например, в рассказе М. Спарк "Портобелло Роуд", где повествование ведется от лица женщины, убитой пять лет назад. Такие произведения дают новое понимание нашего опыта. Автор в этих случаях творит реальность. Категория модальности с ее значениями реального/ирреального участвует в создании новой системы координат, в новом осмыслении бытия. Проективность литературы как бы оборачивается новой стороной. Это первая и основная антиномия между модальностью высказываний и модальностью текста.

Для художественного текста характерна вариативность и полифония тем и смыслов. Она оказывает непосредственное влияние на модальность текста. Множественность и вариативность тем и смыслов определяют полимодальность текста. Как характерная черта произведения искусства она уходит своими корнями в далекое прошлое. Она прослеживается в античной мениппее, которая по своим жанровым характеристикам представляет сочетание фантастики и символики, мистико-религиозных элементов и грубого натурализма.

Основная сущностная характеристика мениппей – наличие амбивалентностей. Ее можно видеть в тех произведениях нашей эпохи, где сцепляются далекое и близкое, фантастическое и реальное (ср., например, Т.С. Элиот "Бесплодная земля", Дж. Фаулз "Mag"). Отсюда и различные планы категории модальности текста. Основные значения, передаваемые категорией модальности (возможность, действительность, необходимость), оставаясь константными, постоянно переосмысляются.

Интерес представляет совмещение нескольких возможных миров, несколько полных и равноценных кругозоров, "множественность неслиянных сознаний". Такие равноценные кругозоры, каждый из которых порождает свой возможный мир со своими кардинальными понятиями истинности, возможного, необходимого, действительного, находим у Блока ("Девушка пела в церковном хоре"), у Гумилева ("Жираф"), у Фаулза ("Загадка", "Женщина французского лейтенанта") и во многих других произведениях словесного искусства. Легче всего это проследить на аксиологической, оценочной модальности. Ценностная шкала в художественном тексте может меняться в силу отсутствия референциальной идентичности субъекта оценочного отношения. Многофокусность оценки особенно очевидна, когда субъект оценочной структуры меняется в связи с полифонической структурой произведения. Функция этих переключений из одного сюжетного плана в другой заключается во введении нового возможного мира – эпистемически допустимого мира (Я. Хинтиikka).

Противопоставление модальности высказывания текстовой включает и антиномию "мономодальность/полимодальность". Модальность высказывания характеризуется мономодальностью (субъект оценки не изменяется). Для текстовой модальности возможна полимодальность – субъект оценки может неоднократно меняться. Полимодальность связана с многофокусностью повествования. При этом модальность ставится в зависимость от дистанционированности повествователя и перспективы, от фокуса повествования. Определяющим компонентом становится точка зрения. Для определения модальности всего текста или какого-либо фрагмента важно ответить на вопросы: Кто повествователь? Кто видит, кто говорит? Чья точка зрения направляет повествование? Сошлемся на точку зрения Ж. Жерар: "Distance and perspective are the two chief modalities of that regulation of narrative information that is mood. Mood is the name given to the different forms of the verb that are used ... to express the different points of view from which the life or the action is looked at" [11].

Полимодальность характерна для таких типов повествования, где постоянно изменяется фокус. Примерами могут служить "Мадам Бовари" Флобера, где точкой

зрения бывают то взгляды Шарля, то Эммы, "Шум и ярость" Фолкнера, где повествование перепоручается то Бенджи, то Квентину, то Джейсону, "Манон Леско" аббата Прево и многие другие произведения мировой литературы.

С проблемой фокуса изображения смыкаются понятия "ближнего/дальнего локуса" [12]. "Ближний локус" характеризуется замкнутостью на лирическом субъекте. Это область несвободы заполняющих ее предметов и явлений, область мыслей и чувств. Вторая область, "дальний локус", не имеет пространственных и временных границ. Лингвистическим средством выражения "ближнего локуса" является лексика, тяготеющая к обозначению понятий, сигнификатов и не имеющая реальных референтных аналогов. Средством выражения "дальнего локуса" является денотативная лексика, тяготеющая к обозначению предметов внешнего мира. Перформативные и модусные глаголы передают внутреннюю позицию ("ближний локус"): "И вечный бой! Покой нам только снится / Сквозь кровь и пыль / Летит, летит степная кобылица / И мнет ковыль..." (А. Блок). Модусный глагол описывает ментальное состояние субъекта. Вводные слова, выражающие сомнение, проблематичность, служат для выражения "дальнего локуса" (помогают занять внешнюю позицию): "She didn't make a sound, she seemed so surprised, I got the pad I'd been holding in my pocket right across her mouth and nose..." (J. Fowles. The Collector); Perhaps you want a good story for your film? Well, it isn't a good story. He just fell off, that's all" (J. Mortimer, Charade).

Модальность высказывания и текстовая модальность могут быть противопоставлены еще по одному параметру: эксплицитность/имплицитность. Средства выражения модальности высказывания неоднократно описывались и представляют собой конечный инвентарь: речь идет о наклонении как ядре языковой категории модальности, коммуникативных и структурных типах предложения, лексических и лексико-грамматических средствах (модальная лексика, перформативные и модусные глаголы, авторизующие конструкции, словообразовательные средства [ср. англ. *payable, inconsolable, capable* (суф. *-able*), русск. *способный, ударный* (суф. *-н-*) и др.].

Средства выражения текстовой модальности еще предстоит изучить, как предстоит определить и их распределение по ядерной и периферийной зонам. Наряду с лингвистическими средствами следует учитывать и экстралингвистические средства – членение текста, композицию произведения, амбивалентность субъекта (ср. с другими категориями текста). Если модальность высказывания выражается эксплицитно, то текстовая модальность может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно.

Теория значения включает два основных блока – теорию референции и теорию употребления. Теория употребления отражает поиск коммуникативных параметров языка, обеспечивающих не абстрактный обмен информацией, а реальный процесс общения, который включает не только информативное содержание высказывания, но и воздействие на адресата, управление его деятельностью. Рассмотрение только референциального аспекта – значений истинности/ложности пропозиции, логической совместимости/несовместимости описываемых событий – не исчерпывает анализа категории модальности.

Семантика должна быть дополнена прагматикой. Прагматический аспект высказывания, как известно, содержит информацию об условиях коммуникации, учитывает фактор ролевых отношений, отражает разнообразные данные, концентрирующиеся вокруг говорящего субъекта. Изучение прагматического контекста знаменует переход от анализа стабильного значения к анализу изменчивого содержания высказывания.

В отличие от теоретико-модальной логики и ее математического аналога – логики возможных миров, где основные содержательные категории сводятся к отношениям предложения к действительности, в прагматическом контексте центром смыслового пространства становится человек. Значение приобретает поведенческий характер, и высказывание оказывается неогделимым от прагматической ситуации. Истинность высказывания зависит не только от возможного мира, но и от контекста и его координат – говорящего, слушающего, времени, места, другими словами, от положения вещей [13]

Учитывая сказанное, можно предложить следующую типологию контекстов¹ для анализа категории модальности.

1. Реалистический ситуативный фон (совмещение интенциональной и экстенциональной семантики) – то, что имеет место или может иметь место в реальном мире: "Дочь забудет, жена изменит, / Друг предаст, все проходит, проходит, / но ошибся безжалостный Екклесиаст, / ничего не проходит" (С. Липкин).

То, что мы воспринимаем благодаря реалистическому ситуативному фону, есть своего рода эхо в восприятии, соответствующее нашим представлениям. Вначале высвечиваются какие-то вечные истины – способность людей к измене, забвению, предательству. Далее происходит упорядочение нашего опыта и наконец возникает новый смысл – поэт вступает в спор с моралью Екклесиаста.

2. Нереалистический ситуативный фон – то, что могло бы иметь место, но не произошло: "Когда б не доблестная кровь/текла в вас – я б молчал" (Н. Некрасов); "Ветер шатает избенку убогую. / Весь развалился овин. / Словно шальная пошла я дорогою / Не попадетсЯ ли сын? / Взял бы топорик – беда поправимая / Мать бы утешил свою. / Умер, Касьяновна, умер, родимая. / Надо ль? Топор продаю" (Н. Некрасов)

3. Эпистемологический ситуативный фон (то, что известно): "Я знаю, что много чудесного видит земля. / Когда на закате он прячется в мраморный грот" (Н. Гумилев); "I only know what hunted thought / Quickened his step and why / He looked upon the garish day / with such a wistful eye" (O. Wilde).

4. Сочетание реалистического и эпистемологического фона: "Я скажу тебе с последней / Прямотой / Все лишь бредни, шерри-бренди, / Ангел мой Там, где эллину сияла / Красота, / Мне из черных дыр зияла Срамота. Греки сбондили Елену / По волнам, / Ну а мне – соленой – пеной / По губам (О. Мандельштам). Здесь следует отметить ту немаловажную роль, которую играет поэтика ассоциаций в интерпретации картины мира, общие фоновые знания говорящего и слушателя, как языковые, так и неязыковые. Как видим, здесь присутствует перформативная форма глагола *скажу*. Однако все высказывание представляет собой косвенный речевой акт и означает значительно больше, чем простая констатация определенных фактов. Оно в неконвенциональной форме содержит побуждение, направленное на слушателя или читателя, заставляя его разделить ту оценку, которая дается в экспозиции к стихотворению. Иллокутивная сила этого высказывания выходит за рамки репрезентатива и имплицитно предполагает другую пропозицию с другим иллокутивным воздействием – это не просто информация, а навязывание определенной картины мира.

5. Деонтический ситуативный фон (то, что приказано): "I never saw a man who looked / With such a whistful eye / Upon that little tent of blue / Which prisoners call the sky... The man had killed the thing he loved, / And so he had to die" (O. Wilde).

6. Стереотипный ситуативный фон (то, что обычно имеет место): "По вечерам над ресторанами / Горячий воздух дик и глух, / И правит окриками пьяными / Весенний и тлетворный дух. // И каждый вечер, за шлагбаумами / Заламывая котелки, Среди канав гуляют с дамами / Испытанные остряки. // И каждый вечер, в час назначенный, / (Иль это только снится мне?) / Девиный стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне" (А. Блок); "И ведь бывало охотно / Шла ты ко мне вечерком / Как мы с тобой беззаботно / Веселы были вдвоем" (Н. Некрасов); ср. также:

He was in the fields, when I set out.
He was in the fields, when I came back.
In between, what long hours,
What centuries must have elapsed.

(P.C. Thomas)

¹ Вместо термина "контекст" в дальнейшем будет использоваться термин "фон" по аналогии с термином, предложенным А. Кратцер, – "background" [14]. Предпочтение было отдано этому термину, так как он может вмещать ситуативную и контекстуальную информацию.

Предложенная выше типология правил описания модальных ситуаций определяет характер познавательных процессов. Эпистемологический и реалистический (обстоятельственный) модальный фон предполагают различную категоризацию фактов.

Моделирование процесса порождения и восприятия речи связано с модальностью. Этим объясняется возросший интерес к изучению модальности, который можно сравнить с "бумом" исследований по метафоре. В основе этого интереса лежит рассмотрение языка как средства социального взаимодействия, как социокультурного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1988.
2. Философия, логика, язык. М., 1987.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
5. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 4.
6. Ижевская Т.И. Становление лингвистических форм и способов внешней характеристики персонажа в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988. С. 11 и сл.
7. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
8. Frye N. Anatomy of criticism. Princeton, 1971.
9. Derrida J. La dissemination. P., 1972.
10. Ильин И.П. Теория знака Ж. Дерриды и ее воздействие на современную критику США и Западной Европы // Семиотика. Коммуникация. Стил. М., 1983. С. 193.
11. Gerard G. Narrative discourse. Oxford, 1986. P. 162.
12. Смирнов И.А. Причинно-следственные структуры поэтических произведений. Исследования по этике и стилистике. Л., 1972.
13. Stalnaker R.C. Pragmatics // Semantics of natural language. Dordrecht, 1972.
14. Kratzer A. The notional category // Words, worlds and contexts. New approaches in word semantics / Ed. by Eikmeyer H.-J. and Rieser H.B.; N.Y., 1981.